

Одной из самых интересных мыслей, которые выдвигаются в рассмотренных выше книгах, является идея общности судьбы, которая определяет степень сплоченности этнической группы и ее самосознание. Это — исторический опыт группы, неразрывно связанный с реальными условиями ее существования в настоящем. Идея общности судьбы наиболее определенно высказана П. Роузом, который ссылается при этом на других авторов.

Достоин внимания усилия упомянутых здесь авторов понять взаимопроникновение классового и этнического начал. М. Гордон попытался даже построить теоретическую систему, чтобы охватить то и другое. Несмотря на все несовершенство анализа классов у этих авторов, такие попытки представляют значительный интерес.

Большинство авторов, о которых идет здесь речь, более или менее согласно с той распространенной в Америке мыслью, что слияния этнических групп там не произошло. Все они считают, что население США разделено ныне по расовому и религиозному признакам. Однако факты, в том числе и приводимые теми же авторами, в эту теорию не укладываются. Старые иммигрантские национальности прошли значительный путь ассимиляции. Разумеется, более поздние иммигрантские группы ассимилировались в меньшей степени. Разделение по религиям основано преимущественно на данных о смешанных браках, чего нельзя признать достаточным. В католическое «субобщество» явно не включены католики-немцы, ни один автор их даже не упоминает, а между тем они составили весьма ощутимую часть немецкой иммиграции. Не вошли в группу католиков и пуэрториканцы, исповедующие католическую религию. Идея иудейского «субобщества» не выдерживает критики, так как считать евреев религиозной группой нет оснований, пусть даже американская статистика не учитывает их по другому признаку. Идея же протестантского «субобщества» вообще весьма натягута.

Всех авторов упомянутых книг волнуют перспективы этнических отношений в США, все дают те или иные практические рекомендации. М. Гордон, исходя из своей системы структурного плюрализма, опасается этнической разобщенности и усиления этнических предрасудков в американском обществе. Он предостерегает от форсирования ассимиляции и полагает, что интеграция даже при десегрегации маловероятна. Р. Вильямс считает главным способом борьбы с дискриминацией судебные и административно-политические действия и рекомендует совместную деятельность людей, принадлежащих к разным этническим группам. С. М. Линсет заявляет, что с неграми «необходимо обращаться более чем одинаково», т. е. оказывать им предпочтение. Все это свидетельствует о том, что сложные этнические проблемы Америки не только теоретически важны, но и практически насущны.

Ш. А. Богина

НАРОДЫ СССР

И. С. Гурвич. *Этническая история северо-востока Сибири*, «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 89, М., 1966, 306 стр.

Проблемы этнической истории народов Сибири весьма успешно разрабатываются в нашей отечественной науке. Достаточно сказать, что только в советское время эту область науки обогатили своими фундаментальными исследованиями такие крупные ученые, как С. В. Бахрушин, С. А. Токарев, А. П. Окладников, Б. О. Долгих, С. В. Киселев, Н. Н. Степанов и др.

У считавшихся «внеисторическими» «бесписьменных» и «отсталых» народов Сибири, благодаря неутомимым исследованиям нескольких поколений археологов, этнографов и историков, была открыта своя полная драматизма история, неожиданно оказавшаяся не менее сложной и интересной, чем у иных «цивилизированных» народов. На глазах всего мира сибирские народы после Великой Октябрьской социалистической революции в короткий срок преодолели гигантский путь в своем историческом развитии от ранних форм общественных отношений до социализма. Все эти обстоятельства привлекают к новым работам по сибиреведению пристальное внимание и в нашей стране, и за рубежом.

Внимание научной общественности, несомненно, привлечет и недавно вышедший труд И. С. Гурвича, посвященный почти не разработанной проблеме этнической истории северо-восточной Сибири со времени ее включения в состав Русского государства и до наших дней.

Хронологические рамки работы И. С. Гурвича делают ее особенно ценной и актуальной, так как изучение проблем поздней (включая современность) этнической истории нашей страны является одной из первоочередных задач советской этнографии. К сожалению, место, уделяемое такого рода исследованиям в нашей науке, отнюдь не соответствует их теоретической и практической значимости. Что касается поздней этнической истории Севера, то с нею было связано особенно много проблем, требовавших безотлагательного решения. Прежде всего, это были вопросы динамики числен-

ности населения и причин, ее вызывавших, изменений в расселении отдельных народов, их этнокультурных взаимовлияний, роли русских, значения социалистической реконструкции хозяйства и быта для современных этнических процессов.

Сравнительно небольшие по численности народы и этнические группы северо-востока Сибири — юагаиры, эвенки, эвены, северные якуты, чукчи, коряки, ительмены, а также русские старожилы имеют сложную и во многом еще загадочную историю. Проследить их исторические судьбы за последние три столетия — такова была задача нового труда И. С. Гурвича. Указывая на цели своего исследования, Гурвич отмечает вместе с тем, что он считал важным не только установить ход этнических изменений но и выявить их причины.

Чтобы выполнить поставленные задачи, автору потребовалось проделать очень большую работу, в которой было необходимо сочетать тщательные полевые исследования и кропотливые изыскания в архивах. Им использованы документальные материалы Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного исторического архива, Архива Академии наук СССР, Центрального государственного архива Якутской АССР и других архивохранилищ страны. Основной вид архивных источников, который исследовал автор, это — отписки служилых людей, ясачные книги, донесения о сборе ясака, десятинные книги, материалы переписей, ревизий и т. д. Нельзя при этом не отметить, что полевой материал собирался автором в течение двадцати лет в трудных условиях Арктики на огромном пространстве от бассейнов Оленека и Анабары на западе до Камчатки и Чукотки на востоке.

Книга И. С. Гурвича состоит из четырех глав, каждая из которых освещает соответствующий период в истории народов северо-востока Сибири за последние три века. Первая глава охватывает период присоединения северо-востока к Русскому государству и начальные этапы колонизации этого района (XVII в.); вторая глава посвящена XVIII в. (от петровских реформ и присоединения Камчатки до создания Комиссии по переобложению ясаком народов Сибири); третья глава охватывает весь XIX и начало XX в. вплоть до Великой Октябрьской революции; четвертая глава посвящена советскому периоду. Структура работы, как это подчеркнуто автором, «определена двумя обстоятельствами: с одной стороны, общим ходом исторического процесса на северо-востоке Сибири, с другой — характером документальных отложений» (стр. 7).

И. С. Гурвичу удалось с большой полнотой изучить исторические судьбы народов северо-востока Сибири, вскрыть причины весьма сложных этнических процессов, протекавших здесь в различные исторические периоды. Автор показывает, как за триста лет изменилась этнографическая карта этого района, прослеживает по русским документальным материалам XVII—XIX вв., как одни народы и этнические группы раздробились и уменьшились в численности, как сузилась территория их обитания, и, напротив, как другие возросли и расширили территорию своего расселения.

Этническая история каждого народа рассматривается отдельно в специальных разделах всех четырех глав книги. Этнические процессы иллюстрированы в ней четко выполненными и хорошо сопоставимыми схематическими картами и диаграммами динамики численности населения. В книге впервые введены в научный оборот многочисленные архивные материалы и этнографические факты.

И. С. Гурвич не ставил целью изучить изменения в материальной культуре народов северо-востока Сибири, однако касаясь этнических процессов у этих народов, он отметил и большие сдвиги в их культуре. Заслуживают внимания материалы о сближении культуры ительменов с культурой русских старожилов, о глубоких изменениях в культуре юагаиров.

Позволю себе остановиться на основных выводах автора. И. С. Гурвич на основе тщательного изучения материала приходит к заключению, что за последние три века увеличилась в численности и расширили территорию обитания только чукчи и эвены. Автор объясняет это тем, что мирные отношения, элементарный государственный порядок, установившийся на северо-востоке после включения его в состав России, позволил этим народам развить в широких масштабах оленеводство — наиболее прогрессивную форму промыслового хозяйства на севере, сделал их экономически более сильными, чем их соседи. В уменьшении численности остальных народов северо-востока, как показывает автор, важнейшую роль сыграли эпидемии, войны, колониальные условия существования.

Показательна в этом отношении этническая история юагаиров, которым посвящено значительное место в рассматриваемой работе (стр. 11—24, 66—76, 136—150, 216—224). Шаг за шагом читатель вместе с автором прослеживает трагическую судьбу юагаирского народа. В XVII в. юагаиры — крупный по сибирским масштабам народ — заселяли обширнейшую область от низовьев Лены до р. Анадыря. Но в результате крайне неблагоприятно сложившихся обстоятельств (опустошительные эпидемии оспы, ясачный гнет), уже в XVII в. численность юагаиров начинает катастрофически сокращаться. На территории, занятые поредевшими группами юагаиров, начинают переселяться другие народы. Уже в конце XVII в. русские документы фиксируют переселение тунгусов (эвенков) и ламутов (эвенов) на земли, ранее занятые юагаирами (стр. 24). В последующие столетия этот процесс протекал еще более интенсивно, причем на юагаирские

земли переселяются якуты, чукчи, русские (стр. 67, 73, 76 и др.). Часть юкагиров была ассимилирована пришельцами. Но и та очень небольшая по численности группа юкагиров, которая поныне населяет бассейн р. Колымы и насчитывает всего несколько сот человек, «от самобытной юкагирской культуры сохранила лишь язык и частично фольклор». Более того, И. С. Гурвич убедительно доказывает, что «между этническими группами юкагиров конца XIX в. и середины XVII в. фактически отсутствует прямое соответствие» (стр. 263) и делает вывод: «современные юкагиры представляют собой этнический конгломерат, состоящий из потомков эвенов, якутов, эвенков, русских, в котором первоначальный, собственно юкагирский, этнический субстрат занимает весьма скромное место» (там же).

Весьма сложной и интересной оказалась судьба северных якутов-оленоводо-вод, сложившихся в своеобразную этническую группу лишь в результате ассимиляции северными якутами — переселенцами остатков эвенкийских родов северо-западной Якутии, причем якуты сравнительно быстро восприняли некоторые черты эвенкийской культуры и прежде всего их хозяйство. Образовавшаяся новая этническая группа впитала в себя в XVIII—XIX вв. новые волны переселенцев якутов, обьякученных эвенков и даже местных русских старожилов.

В работе И. С. Гурвича впервые прослежена и очень своеобразная судьба русских старожилов северо-востока Сибири. Русские появляются здесь в первой половине XVII в. Авангард русских служилых людей (три отряда — Мангазейский, Енисейский и Томский), насчитывавший всего немногим более ста человек, проник на северо-восток Сибири в 1630 г. (стр. 54). Вслед за служилыми людьми, а иногда и опережая их, на новые места двинулись промышленные и торговые люди, осваивавшие суровый и незнакомый край. Количество русских здесь сравнительно быстро возрастало. Так, уже в 1650 г. только на р. Индигирке оброк уплатили 142 чел. Этими первыми русскими сибиряками на далекой полярной реке были новгородцы, вятичи, устюжане, усольцы, мезенцы, белоозерцы, холмогорцы, пенежане, вымичи, кайгородцы (стр. 55). В новых и непривычных условиях Севера русские восприняли и в известной мере усовершенствовали традиционное хозяйство местного населения, тесно сблизившись с ним, но, как правило, сохраняли в большинстве своем язык и культуру. Лишь небольшая группа русских старожилов волилась в состав якутов. Русские старожилы не только оказали огромное прогрессивное и культурное влияние на окружающие народы, но включили в свою этническую среду отдельные группы юкагиров, якутов, игельменов, коряков, оседлых эвенов. Автор делает вполне обоснованный вывод, что «образование особых этнографических групп русских старожилов — результат сложных длительных взаимовлияний и сближения русских переселенцев с коренным населением» (стр. 263).

Автор убедительно показывает, что социалистическая реконструкция хозяйства и быта народов Севера, переход на оседлость в советское время ускорили процессы этнического развития на северо-востоке Сибири. Исследуя современные этнические процессы, И. С. Гурвич приходит к выводу, что ведущей линией развития в новых условиях стало не формирование мелких народностей, а сближение и слияние изолированных в прошлом этнических групп с большими социалистическими нациями — русской и якутской, т. е. процесс национальной консолидации. Автор показывает глубокую прогрессивность этого неодолимого процесса современности.

Основные положения рецензируемой работы солидно аргументированы на широком материале и не вызывают возражений. Особо хотелось бы отметить, что значение дачной работы выходит за рамки сибиреведения, так как разработанная автором методика исследования представит интерес для всех, кто занимается этнической историей. Заслуживает внимание и впервые примененный автором метод сопоставимых картограмм для иллюстрации этнических процессов (стр. 302—304). Очень наглядны данные в книге диаграммы изменения численности народов Севера и соотношения численности оленых и пеших групп коряков, чукчей и якутов в период с 1650 по 1960 г.

Работа не лишена полемики. Так, например, автор выступает (стр. 114—115) против мнения И. С. Вдовина о том, что у чукчей в XVII—XVIII вв. развивалась военная демократия¹. И. С. Вдовин, в частности, отстаивает положение о том, что чукчи нанесли корякам-оленоводам в XVIII в. ощутимый урон, благодаря более высокой социальной организации, наличию предводителей-военачальников. И. С. Гурвич, возражая И. С. Вдовину, указывает на существование военных предводителей и у коряков, и на то, что в чукотском обществе, по свидетельству источников, ни в XVIII в., ни позднее не обнаружено даже следов военной демократии. Причину же побед чукчей над коряками И. С. Гурвич не без основания видит в конкретной исторической обстановке, сложившейся в Камчатско-Чукотском крае в XVIII в., в частности, в характере взаимоотношений русских с чукчами и коряками (стр. 115—116), а не в особенностях социального строя чукчей.

Не в пример некоторым этнографам, да и не только этнографам, писавшим в сравнительно недавнем прошлом о значении колониальной политики царизма для народов

¹ И. С. Вдовин, К истории общественного строя чукчей, «Уч. записки ЛГУ, Факультет народов Севера», № 115, вып 1, 1950, стр. 94—95.

Сибири, И. С. Гурвич не делает попыток обелить царизм в этой сфере его деятельности, не скрывает, например того, что одной из причин значительного сокращения численности ряда народов Сибири в XVII—XVIII вв. (коряки, камчадалы) была колониальная политика русского царизма.

К сожалению, И. С. Гурвич не выявил, на наш взгляд, специфику колониальной политики царизма на северо-востоке Сибири, отличавшуюся от этой политики в некоторых других районах Сибири.

Яркие факты, приводимые автором о сравнительно быстрых и глубоких изменениях в этно-культурных особенностях народов вплоть до почти полной смены культуры в результате ее заимствования от других этнических групп, имеют значение далеко выходящее за рамки сибиреведения. Эти наблюдения И. С. Гурвича еще раз напоминают археологам и этнографам о необходимости осторожного и критического отношения к реконструкции исчезнувшей культуры того или другого народа по сохранившимся до наших дней реликтам. Как показывают материалы И. С. Гурвича, эти реликты могут отражать не древнюю культуру данного народа, а сравнительно поздние заимствования.

Вместе с тем вряд ли оправдано то, что во введении к работе не даны пусть даже в самой краткой форме сведения об этнической истории народов северо-востока Сибири до включения этой территории в Русское государство. Это было бы тем более оправдано, что автор в ряде разделов затрагивает проблемы этнической истории некоторых народов Севера до XVII в. В частности, автор приводит интересные собранные им лично данные о древних поселениях оседлых рыболовов на Индигирке (стр. 13), говорит о территории, занятой юкагирами в XV—XVI вв. (стр. 14) и др. Но ни своей точки зрения, ни хотя бы сводки имеющихся воззрений на этнические процессы, происходившие на северо-востоке до прихода русских, автор не дает. Именно это обстоятельство, вероятно, помешало автору четко сформулировать, в чем же было принципиальное различие хода этнической истории на рассматриваемой территории до и после ее включения в состав России. Здесь же во введении следовало бы указать, что процесс сокращения обширного ареала, занятого юкагирами, и уменьшения их численности не начался с приходом русских, а шел весьма интенсивно и задолго до XVII в. Вытеснение юкагиров с занятых ими земель было результатом продвижения тунгусов, которые, будучи оленеводами и владея железом, по уровню хозяйственно-культурного и общественного развития стояли выше юкагиров — неолитических охотников и рыболовов, лишь начинавших осваивать оленеводство и обработку металла. Автор, хотя и считает, что юкагиры до прихода русских знали железо, все же вынужден признать, что они пользовались преимущественно каменными и костяными орудиями (стр. 17).

Работа бы выиграла, если бы в ней специально было рассмотрен вопрос об общественном строе народов Севера к приходу русских. Умело анализируя самые различные факторы, влиявшие на ход этнического развития, автор недостаточно учел, на наш взгляд, взаимосвязь уровня общественного развития отдельных народов и этнических процессов, в особенности в период прихода русских. Несомненно, что наряду с прочими неблагоприятными факторами (эпидемии и др.), на судьбе юкагиров, камчадалов и некоторых других народов сказался их низкий уровень общественного развития по сравнению с соседями.

Жаль, что интересная дискуссия по проблемам этнического состава северо-востока, развернувшаяся на страницах центрального органа советских этнографов², в которой принимал участие и сам автор рецензируемой книги, отражена в ней лишь в примечании (стр. 233, примеч. 2), где даны указания на полемические статьи ученых, выступавших по этому вопросу.

Встречаются (впрочем очень редко) в книге отдельные нечеткие формулировки и неточности. Но здесь нет надобности останавливаться на мелких недостатках, не снижающих в целом высокий научный уровень рецензируемой работы. Хотелось отметить главное — советская наука обогатилась ценным историко-этнографическим исследованием. Труд И. С. Гурвича представит интерес для всех, кто занимается этническими процессами, а исследователям истории и этнографии Сибири даст ответ на многие волнующие их проблемы.

С. И. Вайнштейн

² «Сов. этнография», 1950, № 4; 1951, № 1; 1952, № 2.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965, 280 стр.

Обычное право (адат) в течение многих веков господствовало во всех сферах частного и общественного быта горцев и являлось в Дагестане действующим источником права вплоть до установления Советской власти. Архаичные, консервативные нормы адата, или, как их принято в литературе называть, адаты, сковывали духовную жизнь народа и тормозили рост его самосознания. В то же время они служили верным, хотя и в большинстве своем замаскированным, орудием угнетения народа.